

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА П. ТРУСА

Е. В. Михайлова

*Белорусская государственная академия музыки,
ул. Интернациональная, 30, 220030, г. Минск, Беларусь, ev2mikhailova@mail.ru*

Статья посвящена концептуальной картине мира П. Труса (1904–1929). Описываются концепты «природа», «Родина», а также концепт «музыка», имеющий широкие и разветвленные связи с другими концептами. Учитывая, что на творчество поэта большое влияние оказали народные песни, можно сделать заключение, что в основе концепта «музыка» в его поэзии – фольклорные интонации. Музыка – важнейшая категория поэтического мира П. Труса. Она служит проявлению природных явлений, мыслей и чувств обычного человека, а также творческой личности. Концептуальная картина мира П. Труса богата и разнообразна. Анализ трех концептов показал их глубокое содержание, связи, разнообразие лексических и образных средств, уникальность творческой манеры поэта.

Ключевые слова: концептуальная картина мира; концепт; Павлюк Трус; белорусская поэзия; лексические средства; образные средства.

Павлюк (Павел Адамович) Трус (1904–1929) – известный белорусский писатель. В его концептуальной картине мира выражены следующие концепты: «природа», «Родина», «музыка», «цветок» и др. А. Клышка писал о нем: «Природа вместе с песней навсегда войдет после в произведения поэта, придаст им своеобразный колорит» [3, с. 3]. Для нас П. Трус – «...прежде всего проникновенный лирик, который умел так песенно видеть свой край. <...> С особенным умилением оживают в стихах поэта картины деревенского труда...» [3, с. 6]. На него оказали влияние А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. А. Некрасов, Т. Г. Шевченко, но особенно «...влияла народная песня – та, что была при нем, как мать, с самого детства. Какой богатой казалась она Павлюку Трусу и своими образами, и темами, и выразительными средствами! И он черпал полной горстью достояния фольклора, часто даже забывая дать им оценку своего творчества. От народной песни идут в его произведениях постоянные эпитеты (вспомните хотя бы название второго сборника “Ветры буйныя”), сдвоенные имена существительные (*ваякі-ўдальцы, арлы-камунары, стыхія-разводдзе*), имена прилагательные (*сусвет вольна-новы, хвалі бурліва-кіпучыя, дарогі квяціста-раздольныя*), параллелизмы, отрицательные сравнения...» [3, с. 7]. Значительное место в поэтическом творчестве П. Труса «...занимают интимно-лирические стихи

(«Я спаткаўся з табой», «Пажоўклы клён», «Навошта сэрца я параніў», «Нашто мне смех...» и др.). Любовная лирика П. Труса – взволнованная повесть о любви, которая заполняет все существо героя: оно преобразовывает его, возвеличивает, и он ждет свою любимую счастливый и радостный. <...> Тема любви и дружбы разрабатывается поэтом в народно-романтическом плане и воспринимается как самое волнующее и возвышенное чувство, как краса и счастье молодости. <...> По своему поэтическому построению стихи П. Труса чрезвычайно близки к лирической народной песне. Их сближает прежде всего музыкальность и характер поэтических средств. С совершенством великого мастера использовал поэт мудрое содержание и чудесную форму народной песни. Обращение к традициям Пушкина, Шевченко, Купалы, Коласа, Богдановича – традиций, которые имели в себе большой заряд эмоциональной энергии, помогло П. Трусу создать стихи мужественные, героические, проникнутые большим гражданским пафосом, философским раздумьем» [1, с. 14]. Манеру письма П. Труса – «...настроение, ход мыслей, романтическую возвышенность не спутаешь ни с кем. Тем и заманчива и уникальна судьба П. Труса в отличие от других стихотворцев. За шесть лет работы в поэзии и всего двадцать пять лет жизни в нем выявился настоящий поэт. А то, что многих он брал себе за учителей, показывает широкий кругозор ученика. И про Труса мы говорим сегодня как про классика белорусского романтизма 20-х годов, а его творчество само послужило примером для подражания не одного поколения наших поэтов» [5, с. 5]. Значительное место в творчестве П. Труса «...занимает пейзажная лирика. Она тесно связана с романтическими чувствами к деревне, с обожествлением крестьянского труда. Через лирические природоописательные строчки поэт достигает глубины веков, постигает красоту любимой Беларуси, утверждая святое и вечное на Земле и в Человеке. Как раз в любви к природе и к человеку как ее частички и проявляется его действенный гуманизм. <...> П. Труса волновали и находили отражение в его стихах проблемы философские: для чего человек приходит в мир, что есть Поэт в гармонии жизни» [2, с. 22].

Концепт «природа» отражен в названиях следующих произведений П. Труса, и их намного больше, чем реализаций всех остальных концептов в данной сильной позиции текста: «Золак вясны» [6, с. 30–31], «Асенняя праца» [6, с. 31–32], «Над возерам» [6, с. 27–28], «Веюць ветры...» [6, с. 32–33], «Перад восенню» [6, с. 35], «Пасля буры» [6, с. 35–36], «Ліпнёвае» [6, с. 36–37] и др.

Природа у П. Труса красива своей величавой красотой, и она почти всегда имеет какое-то отражение: *«Возера дрэмле... // Вербы зялёныя // стан пахілілі // на сонную гладзь, // ў постаці ціхай, // пад ночы аповаю, //*

сны старажытныя сняць. // Ёдовы-бярозы // сваімі каралямі // горда глядзяцца // ў люстэрка вады, // ззяюць крышталёвымі, // дзіўнымі хвалямі; // сцелюць на воду // адбіткі-сляды» [6, с. 27] и др.

Для поэтического мира П. Труса большое значение имеет синий цвет: «Зоры гараць // па-над возерам вольным, // човен цалуе // спакойную сінь...» [6, с. 27], «Славай новаю // Цёмна-сіні бор // Кучаравіцца» [6, с. 29], «Зялёны гай смяецца пад блакітам...» [6, с. 31] и др.

В стихотворениях «Рандо» и «Санет» природа описывается как узор: «Туман над цеменню палян // Снуецца ўзорамі тканіны; // Глухой адвечнасці курган // Яго сатчэ на ўзвышшы сінім. // І долу ўсцелецца дыван...» [6, с. 34], «І плыню кволаю навеяныя сны, // Як вобразы далёкіх успамінаў, // Узорам склаліся над сплеченаю цінай, // Дзе усплывалі водгукі вясны» [6, с. 68] и др. В стихотворении «Лес» слышны кольцовские и никитинские интонации: «Лес! Ты з вечара // Быў асвечаны // Залатым агнём- // Зараніцаю, // І каціўся гром // З бліскавіцамі... // Як каціўся гром // Над прасторами, – // Ты міргаў кругом // Вачмі-зорами. // Галавы, казак, // Буй-кудравае // Не схіліў ты, лес, // Цёмнай славаю» [6, с. 39]. Природа может испытывать эмоции и чувства вместе с человеком: «Плача матка і ўздыхае, // Плачуць вятры дзесьці» [6, с. 47].

Тема времен года является одной из доминирующих в рамках концепта «природа» в поэтическом языке П. Труса. В связи с описанием зимы поэт создает милый его лирическому герою женский образ: «Завіруха... Зіма... Адначынак... // Пераклікнуцца першыя пеўні. // Устае і за дымнай лучынаю // З верацэнцам заводзіць напеў» [6, с. 69]. Осень – очень лирическое и поэтичное время в художественном мире П. Труса: «Зацвілі на травах // скроні ў ветрасіні, // зацвілі увосень // пад усмешкай зор...» [6, с. 69].

Концепт «Родина» широко проявляется в поэзии П. Труса («Не ведаю, чаму мне любя Беларусь» [6, с. 85]). Беларусь для него – молодая, красивая, широкая, просторная: «Беларусь маладзіцца кудравая, // Беларусь – стэп-раздолле шырокае, // Ты спрадвеку з вялікаю славаю // Гоніш лес у краіны далёкія, – // Пра Заход не хачу я маніць, – // Там звіняць пазамежныя песні, // Беларускаю славай звіняць» [6, с. 40], «То не гул завірухі мяцежнай // І не рокаты ўпартага мора, – // Гэта Нёман разліўся бязмежна // На грудзях Беларусі прасторнай» [6, с. 44]. Он уверен в ее светлом будущем: «Я для Беларусі, // любай Беларусі, // З вечна-светлых думак // ды паўю вянкi» [6, с. 70].

Концепт «музыка» также важен для поэтического мира П. Труса. Он выражен в названиях произведений «Вясновая песня» [6, с. 49–50], «Лірнік» [6, с. 193–199]). При этом его семантической доминантой является понятие песни. Субъект *песня* употребляется в сочетании с глаголом

каціца, что создает впечатление о распространении песни на большое расстояние: «*А за паплавамі песні звонкія // Вольна коцяца за ўзгоркі-горкі*» [6, с. 46]. Такое же впечатление создает эпитет *разліўная* при имени существительном *песня*: «*Малады Араты // З думкаю багатай, // З думкай калектыўнай, // Песняю разліўнай...*» [6, с. 49]. Поэт представляет песню как неуправляемую стихию: «*Сёння вольнае гоняў прыволле // Новай песняю смела буяніць*» [6, с. 51], «*Дзе напевы мінуўшчыны дымнай // Над палеткамі страшна віхрылі, // Там сягоння з бадзёрым уздымам // Па-над постаццю жнеі кадрыляць*» [6, с. 51]. Песня Я. Купалы ассоциируется с морем: «*Ой, кацілася песня Купалы // Ды зялёным кацілася ярам // І прарочыла новую славу // Беларусі нізінам, абшарам. // Твая песня стыхіяю мора // Адбівалася ў сэрцах лапцюжных...*» [6, с. 52], с птицей: «*Твая песня – арол лёгкакрылы, // Каб панурья хмары не віслі...*» [6, с. 53] и с ураганом: «*Дык спявай, твая песня ўраганам // Ў сэрцах скованых родзіць паўстанне*» [6, с. 53]. Песня также сопоставляется с цветком: «*Слязьмі у сэрцы песня не астыне, // Не адцвіце вяргіняй пад вакном!*» [6, с. 60]. У П. Труса есть стихотворения, созданные на основе народных песен, например, «*Вясновая песня*» [6, с. 49–50], а в стихотворение «*Ой, у лузе, пры даліне...*» входит народная песня «*Плыве човен...*» [6, с. 56–57].

Концепт «музыка» соотносится со многими другими концептами.

Глагол *каціца* связывает концепты «музыка» и «природа», т. к. звук уподобляется водной стихии, он дает представление о значительном распространении пения. Кроме указанного глагола, с концептом «природа» рассматриваемый концепт связывают и другие слова, в которых актуализируется сема 'водная стихия': *веснаплынь* («*Вас [гусей – Е. М.] сустрэну сваёй песняй, // Песняй-веснаплыню!..*» [6, с. 33]), *плынь* («*Чую песні стыхіі-разводдзя, // Не стрымаць твае [Беларуси – Е. М.] вольнае плыні!*» [6, с. 44] и др.), *мора*, *разліца* (напр., «*Песня адгукнеца // У цішы даліны, // На грудзях краіны // Морам разальцеца*» [6, с. 49]) и др. В некоторых словах эксплицируется сема 'воздушная стихия' (*веяць*, ураган) («*Каб адвечныя песні жыцця // Буйна веялі ў ветрах над полем...*» [6, с. 138], [Я. Купала] «*Дык спявай, твая песня ўраганам // Ў сэрцы скованых родзіць паўстанне*» [6, с. 53] и др.).

У ряда лексических единиц объективируется сема 'цветок': *зацвісці*, *завіца*, *лісты*, *пялёсткі* («*Зацвілі, завіліся ў дасэні // Маіх песень лісты і пялёсткі*» [6, с. 34]), *адцвісці*, *вяргіня*, *адцвітанне* («*Слязьмі у сэрцы песня не астыне, // Не адцвіце вяргіняй пад вакном!*» [6, с. 60], «*А ўвосень – сіль... Калі над гаем // Ў апошняй песні верхалін // Краса вяргіняй адцвітае // Ды смутак сочыца ўдалі...*» [6, с. 72], «*І ў гэтай песні адцвітанья // Ўсё ж водгук радасці звінеў...*» [6, с. 72] и др.). Вовлечение

данных слов в поле действия концепта «музыка» свидетельствует о том, что поэт подчеркивает силу, энергию, возможно, некоторую неуправляемость песни в своем художественном мире. Названная сема воплощена и в сложном имени существительном *песня-хваля*: «*Хто яны, – песняй-хваляю грознай // Ё маім сэрцы узвеляі крозы, // Ё скалыхнулі жыцця берагі?*» [6, с. 136] и др.

Взаимодействует рассматриваемый концепт и с концептами «сердце» и «душа». Сердце и душа в представлении П. Труса – «...эмоциональные центры человека, которые, как особый инструмент, чутко реагируют на все, происходящее вокруг. В них всегда рождается определенный отклик» [4, с. 110]. И сердце, и душа способны создавать аккорды и воспринимать их: «*Душа паэта – плач і смех!.. // Акорды сэрца – хвалі мора...*» [6, с. 91], «*А як песня ў цішы // Ё скалыхне дно душы, // Паліюцца акорды... міноры...*» [6, с. 119] и др. При этом сердце в подобной ситуации упоминается чаще, чем душа. Сердце и душа у поэта уподобляются музыкальному инструменту, т. к. в них предполагается наличие струн: «*І пад гаем, // Ё красе вячэрняй цішыні, // Акорды песень заміраюць // І струны сэрца закранаюць // На дне душэўнай глыбіні*» [6, с. 84], «*Калі ў палях // звіняць далёка бомы, // а думы іскрамі рассыплюцца ў цішы... // і ціха скоцяцца, // каб тайнай невядомай // ўжо дакрануцца струн, // зыбучых струн душы*» [6, с. 87] и др. П. Трус значительно чаще сравнивает со струнным инструментом сердце, чем душу. В душе он реализует наличие не только струн, но и отзвука: «*Ё тумане сінім недалёка // Звініць мінорная струна. // Звініць... І ў гаі замірае, // Калыша водгулле ў душы...*» [6, с. 158]. Сердце он сопоставляет с колоколом: «*...Жыццё у песні // ад калыскі. // Пакуль гараць ў вачах агні, // няеш аб родным, // сэрцу бліжкім, // а сэрца звон // звініць, // звініць...*» [6, с. 179] и др., а звон песни в нем сравнивает со звучанием струн цимбал: «*Як струны звонкія цымбалаў, // У сэрцы песня зазвінела // І змоўкла ў лузе анямелым, // Як струны звонкія цымбалаў*» [6, с. 58].

Концепт «музыка» в поэзии П. Труса тесно связан с концептом «поэзия». Г. Запартыко указывает: «Т. Гартный в свое время сказал, что вся лирика П. Труса – действительно своего рода пение. Песенность его лирики шла из народной песни, которую он безгранично любил и которая стала основой его творческой стилистики» [2, с. 23]. О себе поэт пишет: «*Яшчэ з маленства, як ніколі, // Мне матка зычыла спяваць...*» [6, с. 156]. Лексемы, объективирующие понятия музыки и поэзии, часто употребляются у него в одном контексте (*песня, Купала, спяваць; музыка, словы, песні, акорды, мелодыі, паэты*): «*Ой, кацілася песня Купалы // Ды зялёным кацілася ярам // І прарочыла новую славу // Беларусі нізінам, абшарамам. // Твая песня стыхіяю мора // Адбівалася ў сэрцах лапцюжных, //*

Разлівалася ў цёмным прасторы, // Дзе спявалі мінулага сюжы...» [6, с. 52], *«І ў сценах маўклівых // Ёсць музыка слоў, // І ў песнях – // акорды мелодый... // Забытых аплачуць вятры за сялом, // Паэтаў – // уславіць народы!..»* [6, с. 135] и др. Связан рассматриваемый концепт и с концептом «время»: *«Ўсё прайшло... // адзвінела на струнах...»* [6, с. 96]. Поэты, по его мнению, создают вечную песню: *«З душой жабрацкаю паэты, // З адвечнай песняю надзей»* [6, с. 193], поскольку искусство – вневременная категория: *«Памёр паэт!.. Дык песня вечна!.. // Яна звiла яму вянок!..»* [6, с. 124].

Многозначность понятия *песня* в «возможном мире» П. Труса выражается в сложных именах существительных. Эти лексемы могут относиться к семантическому полю «музыка» (*«Песні-гімны складалі аб волі»* [6, с. 78], *«Даўно я вас, акорды-песні, // У зрэбнай радасці насіў»* [6, с. 156] и др.), могут включаться в семантическое поле интеллектуальной деятельности (*«Там [в поле, при сырой долине – Е. М.] цяпер на волі // расцвіла каліна // І шуміць увечар, // ой, шуміць пад гаем... // Толькі сэрцам песень- // дум не разгадае»* [6, с. 165] и др.), могут становиться элементами семантических полей «эмоции», «чувства» (*«За вялікае вечнае жыць // Людзі скаргаю-песняй паўсталі»* [6, с. 138], *«І пальцеца ў цішы // Песня – водгук душы, // Песня радасці... смутку... і болю...»* [6, с. 120] и др.) и наиболее часто попадают в число образительно-выразительных средств (иногда в качестве субстантивного словосочетания), при помощи которых автор создает некий «возможный мир» своей мечты ([А. Гурло] *«Як ты песняю той сакавітай – // Ты прарочыў паўстання агонь. // І капаў падняволлю магілу // Ў казцы-песні вяснова-бурлівай»* [6, с. 78], *«Ты была для мяне // Песняй казак-надзей, – // Маці!.. маці мая, дарагая!..»* [6, с. 126], [лірнік] *«Ты будзеш пець. // І казкі песень // На струнах дум зашалацяць, – // Яны прастор душы узвесняць // Вялікай Музыкай Жыцця»* [6, с. 194] и др.). Три последних слова из примера, написанные с прописной буквы, говорят о том, что самой важной поэт считал ту музыку, которую создает сама жизнь. Это подтверждают и строки из лирической поэмы «Чырвоныя ружы»: *«І мо другі // Бетховен – геній // Уславіць нашае тварэнне // Адвечнай // музыкай // жыцця...»* [6, с. 206]. Беларусь поэт считает краем поэм и вечных песен-сказок: *«Край паэм, // адвечных песень-казак, – // дарагая сэрыу // Беларусь...»* [6, с. 213].

Способность петь в поэтическом мире П. Труса имеют: 1) люди ([хлопцы-навабранцы] *«Як схаваліся за ўзгоркам, // Дружна песню заспявалі...»* [6, с. 46] и др.), 2) *песні-пералівы* (*«І ў гэных песнях-пералівах // Я чуў магутнасць і разгон. // Яны ў адвечнасці маўклівай // Жыццю спявалі ў унісон»* [6, с. 189]), 3) все, созданное человеком (*«Пілки песні хаўтурныя пелі...»* [6, с. 39] и др.), 4) реалии природного мира (*«Ўстань*

ды подывіся, // Як ракоча і пад гаем // Ой, співае Вісла» [6, с. 43]), 5) абстракції («Ой, кацілася песня Купалы // Ды зялёным кацілася ярам... // Разлівалася ў цёмным прасторы, // Дзе снявалі мінулага сюжы...» [6, с. 52]) и др.

Поэт описывает (прямо и метафорически) следующие музыкальные инструменты:

1) жалейку: «Ды пявучая жалейка, // Недзе грала за тунеллю» [6, с. 79];

2) лиру: «Я тыя думы-сны // Будзіў на струнах ліры...» [6, с. 130];

3) скрипку: «Я чую голас, // Бы реуцца струны, // Акорды жалю // Забытай скрыпкі» [6, с. 150];

4) гусли: «Ды ў лузе гуслі заміралі // Пад кволым шэпатам ракіт» [6, с. 156];

5) гитару: «А струны звонкія гітары // Складалі казкі яны мне» [6, с. 160];

6) арфу: «І ў сэрцы кволае дзяўчыны // Не арфы звонкая струна // Заводзіць песню успамінаў...» [6, с. 176];

7) сурмы: «І ў стэпу рыдаюць // Сурмы за сялом» [6, с. 203];

8) а также колокол: «Вёска, вёска – // Вераснёвая прозалаць-кроў! // Ну, аб чым ты сумуеш сягоння?! // Майго сэрца журбою не крой, // Яно – звон, // Па-вясноваму звоніць» [6, с. 79];

9) и бубенцы: «Калі ў палях // звіняць далёка бомы...» [6, с. 87].

Превалируют названия струнных инструментов. В целом в его поэтическом мире используется много названий понятий теории музыки: музыка, мелодыя (мелодыі), тон (тоны), рандо, унісон, напеў (напевы), спеў (спевы), акорд (акорды), мажоры, міноры.

Глагол *пець* (и его дериваты) в поэтических текстах П. Труса имеет следующие семы: 1) 'интеллектуальная деятельность' («Пакуль гараць ў вачах агні, // пнеш аб родным, // сэрцу бліжкім...» [6, с. 179]), 2) 'передача информации' (в сочетании с семой 'эмоциональное отношение к объекту') ([матуля] «Праспявай мне // маленства песню, // што снявала // не раз над калыскай...» [6, с. 96] и др.), 3) 'передача информации' (в сочетании с наличием прямого дополнения) («А я табе, мой чарнабровы, // Снявала песню? – Помнішь ты!..» [6, с. 176] и др.). Все перечисленные лексические единицы служат усилению изобразительности в рамках концепта «музыка».

Музыка – важнейшая категория поэтического мира П. Труса. Она служит проявлению природных явлений, отношения к Родине, мыслей и чувств обычного человека, а также творческой личности. Поэт особо подчеркивает, что музыка не только может выявить положительные или отрицательные эмоции, но и способна объединить их: «І просіць сэрца //

навальниці, // Сімфоній радасці // й тугі...» [6, с. 146]. Все это дает нам основание считать концепт «музыка» в поэзии П. Труса доминантным и полисемантическим, а понятие песни в его структуре – многозначным. Необходимо подчеркнуть, что даже универсальные черты рассмотренного концепта у П. Труса переданы индивидуально и неповторимо.

Для объективаций всех концептов в поэзии П. Труса очень важны лексические и образные средства его поэзии. У него часто употребляются сложные имена существительные: *ўдовы-бярозы, месяц-юнак, аер-чарот, далячынь-прастор, смутак-жаль, сведкі-курганы, смага-дым, песня-гімн, рань-вясна* и др.; сложные имена прилагательные: *цёмна-сіні, светлачыстыя, шоўкава-зялёная, клянова-пунсовая, змрочна-дрымотны* и др.

В поэзии П. Труса сформированы следующие семантические поля: 'природа' (*возера, ноч, вада, зоры, вербалозы, гаі, нівы, рэчкі, дуброва, месяц, кусты, рабіны, вербы, рунь, бор, лугі, лазняк, поле* и др.); 'музыка' (*спевы, песні, звон, спяваць, песня-гімн, адгалоскі песень, песня-веснаплынь, адзвінец, перазвоны, тон, зазвоніць*); 'эмоции, чувства' (*слёзы, заплакаць, усмешка, журыца, пакахаць, усміхацца, хвалявацца, смутак-жаль, смяцца, шчасце, журба, сум, сярдзітыя, страшыць* и др.), 'вёска' (*вёска, хаты, вечарніцы, гуменца, крыніца, сяло, снапы, цапы, селянін, ураджай, малатарня, жнейка-маладзіца, поле-агарод, сады, пры-гуменне*) и др.

В поэтических произведениях П. Труса употребляются различные образные средства, которые чаще всего являются реализацией концепта «природа»:

1) метафоры: «*Чаму зара цвіце над гаем, // Дарогі тонуць у імгле?!*» [6, с. 29] и др.;

2) повторы: «*Маўчаць асмуглыя рабіны, // А за вакном лісты... лісты...*» [6, с. 28] и др.;

3) метонимии: «*Засне сяло... Нідзе нікога...*» [6, с. 29] и др.;

4) анафоры: «*Ціха... // Ціха... вярба шапацела над ім [брыгадзёрам. – Е. М.]...*» [6, с. 43] и др.;

5) отрицательные сравнения: «*Ой, не хмельным віном упіваўся прастор, // Не прастор з чырвань-цветным абліччам, // Упіваўся крывёй малады брыгадзёр, // Што з грудзей поўных жыцце крынічыла*» [6, с. 42] и др.;

6) сравнения: «*Залаціста-ружовым пярсецёмкам // Сонца выплыла з бору...*» [6, с. 46] и др.;

7) оксюморон: «*А па-над возерам пажоўклыя кусты // Журбою веялі у радасці вясёлай...*» [6, с. 53] и др.

Встречаются в исследуемых поэтических произведениях и авторские неологизмы: «*У грудзях мораніца ўздым...*» [5, с. 41],

«Каб трактар – конь **стальнапалосы** – // Ад шэрань-змроку да зары // Засеяў скібамі палосы // І кроіў поле на шнуры» [6, с. 48] и др.

Таким образом, концептуальная картина мира П. Труса богата и разнообразна. Анализ трех концептов показал их глубокое содержание, связи, разнообразие лексических и образных средств, уникальность творческой манеры поэта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Жыдовіч, І.* Пяньяр сацыялістычнай явы / І. Жыдовіч // Трус, П. Выбранае : вершы і паэмы / П. Трус. – Мінск : Маст. літ., 1979. – С. 3–21.
2. *Запартыка, Г.* Сімфонія радасці і тугі / Г. Запартыка // Трус, П. Выбраныя творы / П. Трус; уклад., прадм. і камент. Г. Запартыкі. – Мінск : Беллітфонд, 2000. – С. 7–24.
3. *Клышка, А.* «Золата дум падарыць на карысьць Беларусі...» / А. Клышка // Трус, П. Вершы. Паэмы. Уступ. артыкул А. Клышкі / П. Трус. – Мінск : Нар. асвета, 1977. – С. 3–10.
4. *Михайлова, Е. В.* Концепт «музыка» в поэтических текстах – представителях разных языков и культур / Е. В. Михайлова. – Минск : Тесей, 2009. – 188 с.
5. *Паўлаў, У.* Застаўся душой малады / У. Паўлаў // Трус, П. Падаюць сняжынкi... : вершы і паэмы [Для ст. шк. узросту / Уклад. Р. Баравіковай; Прадм. У. Паўлава; Маст. Г. Скрыпнічэнка] / П. Трус. – Мінск : Юнацтва, 1983. – С. 3–6.
6. *Трус, П.* Выбраныя творы / П. Трус; уклад., прадм. і камент. Г. Запартыкі. – Мінск : Беллітфонд, 2000. – 384 с.